Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирае ся въ бюрѣ дирекцін книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 14. Львовъ, 30 Березнѧ 1856. РОКЪ IX.

ОТЪ ПРИ ЛЮЛЬЦѢ!

Сижу въ хатѣ люльку курю
Самъ собовь нуждаюсь журю
И не диво! якъ бы зъ Крыму
Въ цѣлой хатѣ полно дыму.

Перутъ шматье; тожь музыка,
Божь то пранникъ изъ языка!!!
Жаль ся Боже! мой еймости
Не всушили языкъ посты.

Тожь попался я въ компаты!
Пре ся гадка, иму писати,
Задумаюсь, въ гадокъ краю,
Жерелъ пѣвчихъ усмотряю.

Ажь ту хлюсне, скрикне, трѣсне;
„Пекъ ти лихо ненаѣстне!
„Не заткаешь разъ вже рота!
„Се хлопчиско горьшій скота."

Га студено гнеть ми стало,
Порхла гадка, перо впало;
Отъ и сновь собоюсь журю,
Сижу въ хатѣ — люльку курю!

Е. Згарскій.

О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

(продолженье).

Чаровницы дȣже дивнымъ способомъ оубієнны быти могȣтъ: мѣсто олова лaдится рȣчница трома въ великодны свѧта посвѧщенными зернами, и стрѣлѧется тѣмъ сопротивъ молніи; если оуцѣлится, що рѣдко слȣчается, то сей часъ погибаетъ чаровница. Кромъ чаровницъ межи женщинами, находѧтся такожде и чаровники межи мȣжчинами.

Морлахи дȣже страхаются тѣхъ проклѧтыхъ естествъ, и легко почитаютъ каждȣ старȣ съ морщками бабȣ за чаровницȣ, а каждого сȣхорлѧвого мȣжчинȣ, который слȣчайно щось оугадаетъ, или сны вытолковати знаетъ, или бȣдȣщинȣ изъ звѣздъ, зъ долони предповѣдаетъ, за чаровника. Въ середномъ вѣкȣ былъ и тȣтъ норовъ, ба и законъ въ где-некотрыхъ мȣниципалныхъ розпорѧженіѧхъ, палити живцемъ чаровницы, и еще 1632 года попала такаѧ долѧ на торговицѣ во Вименти въ Истріи по явномъ справопроизведенію якȣюсь Марію Радасловичкȣ изъ Зары.

Изъ племени чаровницъ, или изъ инного родȣ, произвела сѧ мора, морина по нѣмецки „алпъ" по польски „мора" по англійски „nigthmare" звана. Сȣть то дѣвочки, которы жаждȣчіи отъ любви на примѣръ якъ Гетого „супрȣга изъ Коринтȣ," на спѧщихъ охочо кладȣтсѧ, крихтȣ крови имъ высысаютъ и отдыхъ перепинаютъ. Межи тѣмъ чинѧтъ тое и молодыи любовники. Если морина сближаетсѧ, даетсѧ чȣти шелестъ якъбы отъ крылъ птичихъ на примѣръ лилика, а послѣ того тѧгарь на грȣди, якъ бы оумерлецъ по-

валилъ сѧ. Легко можь ею ситомъ поймати, когда то въ кѹркѹ перекидаетсѧ; але найгоршимъ при томъ есть дѣломъ, що не можь ни кинѹтисѧ, ни озватисѧ.

Вѹкодлаки или опыри подабаютъ тѣмъ, который и ѹ Сербовъ сѹть ѹвѣрованны. Опыремъ стаетсѧ каждый безбожникъ, 40 дней по погребенїю, и то силою божой клатвы: безбожникъ, который злымъ и порочнымъ житїемъ, омерзилъ сѧ въ очахъ свѣта. Опыръ передъ полночїю оставлѧетъ свой гробъ, и блѹкаесь хищный крови, злосчастїѧ, безъ опочинкѹ въ бѣлой свитѣ середъ тѹчь и непогоды, ажь поколь кѹръ не запѣетъ. Если опозднитсѧ о однѹ хвилькѹ при возвращенїю въ гробъ, тожь не возможно емѹ при первомъ звѹцѣ звона сокрытисѧ, и такимъ свѣтомъ преданъ бываетъ злости и мести живѹщихъ. Онъ ѣсть и пїетъ ꙗкъ каждый иный человѣкъ, але не набираетъ тѣлесныхъ силъ, но скорше злости дѹшевной. Въ одной ночи такъ далеко ѹйдетъ, ꙗкъ найскоршїй мѹжь въ три мѣсѧцы ѹйшолбы. Пребывалище свое, можетъ онъ измѣнати и въ далекихъ краѧхъ оказатисѧ. Чѹжимъ женщинамъ дѣлаетъ пакости, съ своею женою плодитъ дѣти безъ костей. Онъ наслаждаетсѧ страданїѧми живѹщихъ, непокоитъ ихъ ꙗкъ лишь можетъ, страшенными сновидѣнїѧми, хоробами и проч. Вже и самъ глипъ его лихїй находитъ погибель; съ особенною жаждою высысаетъ кровь людамъ. Несчастїе тѣмъ женщинамъ, которыхъ онъ допытаетъ: они стаютсѧ опырицами. Но великимъ есть счастїемъ, що вѣра и дерзкость человѣка ихъ сѹничтожити козможетъ. Если морлахъ превѣдчитсѧ, що тотъ или иный мертвецъ опыромъ сталъ сѧ, сей часъ прикликѹетъ где которыхъ неѹстрашеныхъ мѹжей, ѹдаетсѧ до свѧщеника, который прикликавши дрѹгого, въ ночи на сѹботѹ свѧтый ѹпотреблѧемый, въ такомъ слѹчаю обрѧдъ совершаетъ. Найотважнѣйшїй зъ помежи мїранъ долженъ остро затесанный осиковый колъ при собѣ мати, сето есть одною зброею, ꙗкою опырь забїенъ быти можетъ. Если прїйдѹтъ къ церквѣ, или къ кладьвищѹ где опырь погребенный, молатсѧ набожно въ попередъ, потомъ съ крестомъ отвираютъ гробъ. Если опырь, що рѣдко приключастсѧ, не лежитъ въ гробѣ, то нѣсколько разъ зазконатъ, а сей часъ поѧвитсѧ, и покладетсѧ горѣлицъ такъ ꙗкъ погребенъ былъ. Потомъ начинаетъ свѧщенникъ заклинати его, щобы не кинѹлъ сѧ, а онъ молитъ ихъ ѹсердно, дабы пощадили и не ѹсмертили его. Свѧщенникъ голосно промовлѧетъ: „радѹй сѧ Богородице Дѣво" а когда имѧ Їисѹсъ виповѣсть, прискакѹетъ тотъ съ осиковымъ коломъ, и проколиваетъ нимъ опырѧ шїю. Мѣсто щобы изъ болю и ѹплавѹ крови ѹтомилъ сѧ, молитъ опырь, щобы еще разъ ѹколено его. Но стережѹтсѧ отъ того, бо если по вторый разъ ѹкололь бы, то опаръ приходитъ до житїѧ, и никогда не даеть сѧ вже ѹсмертити. Если по великой скѹпности или длѧ ꙗкогось иного несчастного слѹчаѧ первое стребованїе не ѹдаеть сѧ, то на слѣдѹющѹю пѧтницѹ дѣло откладаетсѧ. Каждый ѹбитель опирѧ, статсѧ нимъ самъ, если по смерти емѹ жилы ѹ колѣнъ не протнѹтсѧ. (П. с.)

ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

Народнаѧ повѣсть изъ хорватского.

(продолженїе).

Но Ивась на колосъ не отстѹпилъ отъ своего предвсикзатїѧ, та съ бодрымъ и

крѣпкимъ духомъ продолжалъ свою путь, поки не дошелъ въ столицу того королевства. Що тутка видѣлъ недастьса описати. Люди мкбы скаженны наоколо бѣгали, рвали си волосы изъ головы, качалисѧ по землѣ, кричали, їойкали, нарекали, межь собою убивалисѧ, а многїи самы отъ себе трупомъ къ чорной землѣ падали. Ивась сперва переполошилсѧ видѣвши тое и убоялсѧ, щобъ его незабыли; но столько еще бодрости имѣлъ ихъ попытати, що такого имъ недостаетъ. Тогда вздвигсѧ нѣкїй старецъ на полъ мертвый съ земли, а увѣдавши отъ Ивасѧ, що къ змѣи идетъ, почалъ полголосомъ и съ остановками такъ говорити:

„Самъ Богъ тѧ сюда наднесъ незнаемый путнику! — Охъ небоге! великую нужду терпимъ — нынѣ три роки, мкъ дощу унасъ не было. — Всѣ потоки повысохали — млыны не могутъ и не имѣютъ що молоти — жерела въ окружности отъ сильной спеки также просѧкли — та вже и въ кирницахъ и колодѧзахъ нѣтъ воды — всѣ загинемъ отъ голода и жажды. — По Бозѣ брате! — когда идешь къ змѣи — выпытай ею за причину крайной нашей нужды — а тое ти надулужитсѧ — только не задержуйсѧ — ино иди — та — добру вѣсть — приноси." Тое изрекши на вѣки упокоилсѧ. Горько заплакалъ Ивась отъ великой жалости, та съ прискорбнымъ сердцємъ взѧвши костуръ до рукъ отошелъ, неоглѧдаючись даже на ужасное мѣстце бѣднѧковъ.

Теперь вела его дорога скрозь мкуюсь пустыню каменисту, черезъ которую протѧгалисѧ мовь змѣй велитъ глубокїи берда; нигде не было травицы, ни капки водицы, а душнота такъ сильно отбивалась отъ скалъ, що думалъ быcь Ивасеви мозгъ изъ головы высушитъ. — Но онъ воззрѣлъ съ упованїемъ на небо, прошепталъ тиху молитву, и такъ покрѣпленъ пошелъ на передъ. Ночь настала, чорна потьма прикрыла землю а Ивась пришелъ къ морю, тутка лагъ си и солодко уснулъ. Скоро лишь первый брѧкъ засвиталъ, схопилсѧ на легкїи ноги и радостнымъ окомъ глѧнулъ на синое море; но вскорѣ засумовалсѧ, незналъ бо мкимъ способомъ на другїй бокъ достатись. Наразъ учулъ низъ себе мкїйсь шумъ на морю и обозрѣвшись увидѣлъ чолно, которого нѣкаѧ старуха кермовала и по берегу водила. Теперь снова сталъ Ивась пресчастливъ и до оной старухи такъ обозвалсѧ:

„Ахъ бабушко! чи нехотѣлабъ ты мене черезъ море перевезти?"

„А куда же ти идешь сынку?" пыталась старуха, котораѧ ни двохъ зубовъ не имѣла, такъ що Ивась мало що ею и розумѣлъ.

„Иду къ змѣи" отповѣлъ Ивась.

„Добре, добре сыночку! м тѧ перевезу, только вывѣдайсѧ у змѣи, чи долго еще перевозити буду люди черезъ море."

„Сдѣлаю бабушко" — отвѣтилъ Ивась возрадованный, що больше вже перепонъ и условїй ему не ставила.

Баба прикучовала чолно ко краю, Ивась скочилъ внутрь, а старуха махаючи кермовь вкоротцѣ и добилась до берега.

„Пращай бабко!" сказалъ тогда Ивась и скочилъ изъ чолна.

„Иди съ Богомъ сынку! та незабывай на мене" — голосила за нимъ старуха.

Ивась пришелъ теперь въ змѣеву краину. Высокїи утесы взносилисѧ горѣ подъ облаки, куда глѧнешь а всюда буйнаѧ трава, то темный дубовый лѣсъ, хащи то скалы; нигде не видко было дороги — сло-

*

вомъ: глꙋхаѧ степь. Межь тѣмъ не оупадалъ Ивась на дꙋхꙋ, но ишелъ мановцами ꙗкъ лишь давалось; итакъ пришелъ наконецъ послѣ нѣсколькихъ дней въ ꙗкійсь темный провалъ. По правой и лѣвой сторонѣ вздвигались горы, такъ що неможь было имъ вершка дозрѣти, а синее небо которое за гꙋстыми деревами скрывалось, представлѧло понекꙋда видъ малыхъ полосокъ.

Такъ ходилъ онъ цѣлꙋю ночь; но скоро засвитало, а Ивась вышелъ изъ провала. Солнце вже высоко стоѧло, когда наразъ битꙋю стежкꙋ оузрѣлъ. Теперь перекрестилсѧ и словцемъ: „въ имѧ божье" — съ полнымъ довѣрїемъ справилъ свои ноги къ ꙗкойсь темной печерѣ. Сближившись на нѣсколько десѧть кроковъ оувидѣлъ нѣкꙋю женꙋ особенной лѣпоты, котораѧ що ино изъ печеры выходила. То была змѣеваѧ жена. Ємко подошелъ Ивась къ ней и такъ отозвалсѧ:

„Слава Їисꙋсꙋ Христꙋ, невѣсто!"

„На вѣки слава, незнаемый юнакꙋ!" отвѣтила жена и заплакала.

„Чого плачешь жено! кажи а станꙋ ти въ помочь, если только смогꙋ" — говорилъ Ивась, который немножко затревожилсѧ.

„Охъ брате! що такого сюда та наднесло — отвѣтила жена — чи незнаешь, кто тꙋтка обитаетъ?"

„Чого бы змѣѧ незнала! — рекъ Ивась; но що дальше?"

„Оувы менѣ! лꙋчше бы было, щобъ тѧ мати не родила; змѣѧ когда во прїйдетъ, тотчасъ тѧ занюхаетъ и прожретъ, ꙗкъ то вже многимъ сталось, которыи сюда достатись пробовали."

Тогда Ивась на правдꙋ перепꙋдилсѧ и стрꙋи слезъ покотились, змѣевой же женѣ сталъ все подробно розказовати: кто и откꙋда єсть, ꙗкъ съ Магдалиною спозналсѧ, ꙗкъ король єго до бочки всадити и на водꙋ пꙋстити велѣлъ, ꙗкъ нѣкій часъ оу мельника перебывалъ, словомъ все єй открылъ; такожь о событїѧхъ и переправахъ въ каждомъ королевствѣ, которое переходилъ, и о той старꙋсѣ, котораѧ єго черезъ море перевезла, не забылъ спомнꙋти. Болестно женѣ было тое слꙋхати, но еще мꙋчительнѣйше выдꙋмати способъ, ꙗкимъ бы єго передъ быстрымъ змѣи поглѧдомъ скрыти, та желаемыи три пера ємꙋ доставити. Однакожь не долго коснѣла, подавши гденещо попоѣсти посадила єго въ невеличкое корыто, и тое подъ постелью на поперечныхъ доскахъ оуставила такъ, що съ разꙋ ничого не можно было видѣти; потомъ выйшла изъ печеры навстрѣчь змѣи; но всегда въ страхꙋ, щобъ бѣдномꙋ Ивасеви, который въ своей темницѣ мовь трепета трепещалъ, ꙗкое лихо не слꙋчилось.

Наразъ зачꙋлсѧ сильный шꙋмъ ꙗкъ бы шꙋмъ ꙗкой тꙋчи, що означало змѣи пришествїе домовь; и навѣрно за часокъ спꙋстилось изъ облакъ огромное и огидное чꙋдовище. Вступивши въ печерꙋ запыталась змѣѧ:

„Жено! тꙋтка неприснаѧ, крещеннаѧ дꙋша живетъ, — крестъ мене поражаетъ, — кажи кто єсть?" Съ разꙋ перепꙋдилась невѣста, но спомнꙋвши на горькꙋю сꙋдьбꙋ своего госта, ободрилась и промовила:

„Ай ꙗкій съ тебе чꙋдакъ! откꙋда бы крещеннаѧ дꙋша сюда взѧлась?"

„Нѣтъ, нѣтъ она должна быти — розкричалась змѣѧ — мой нюхъ мене не заводитъ." — На тое сновь жена отвѣтила:

„Отъ дорогій мꙋжꙋ! мачитсѧ тобѣ;

тижежь бо неимѣешь крещеннѹю дѹшѹ занюхати, когда що ино изъ тѣхъ краинъ приходишь, томѹ и повѣтрье отъ нихъ еще теперь обдѹваетъ тебе."

Теперь выйшла жена вечерѹ принести, а тѣмъ часомъ змѣя всякій кѫтикъ перетрясла и все переглянѹла; но надармо, немогла бо ничь крещенного найти, а корыто подъ постелью на счастье не досмотрѣла. Межь тѣмъ наднесла жена вечерѹ, обои сѣвши за столъ стали вечерѣти. Розговоривали о всякомъ, а змѣя приповѣдала свои дневныи дѣла. По вечерѣ жена вставши постелила змѣи постель, которая скоро и лягла, та трѹдна отъ дневного лѣтанья солодко оуснѹла. Тогда шепнѹла жена Ивасеви подъ постелью, щобъ спокойный былъ, та все списовалъ, що ино змѣя говорити бѹдетъ; потомъ и она лягла спати. (П. с.)

КАРТАРЬ

образецъ изъ жития городского

(продолженіе)

Такъ немилой стрѣчи и не надѣялъ ся онъ, находячись въ такъ отчаянномъ состоянію.

— Господине Терехтарскій! но! но! щось то вы якъ бачѹ и дѹже задѹмали ся, та и не зважаете що около васъ дѣется, промовилъ Малчинскій пристѹпивши близше.

Корнилій зачервонѣлъ ся, споглянѹлъ несмѣло, опѹстилъ очи, и не могъ ни промовити ни постѹпитися.

— Го! го! вжежь и ничь вамъ говорити! не пѹста гадка оуконопаднлась вашого сердца, но якась тамъ чорноброкка; не правдажь? продолжалъ черевачь, отсапаючи якъ бы корецъ збожа на плечахъ емѹ тяжило.

— Господинъ Корнилій щось засѹмовалъ ся нынѣ, тоскно озвалась панна Розалія.

Намагаючись всѣма силами, поглянѹлъ Корнилій въ голѹбыи очи дѣвицы, мимохоть выперъ ся зойкъ изъ стисненой грѹди, и якъ бы пострадалъ присѹтствіе дѹха, нерозѹмѣтельно отозвалъ ся:

— И сѹмный? — нѣтъ! — нѣтъ! отъ несчастливый есьмь моя господо. — Чи вже — вже нѹждно менѣ такъ было?.... га! нѣтъ менѣ вже больше — прощайте мое панство!

— Що вамъ господине! скрикнѹли майже въ одинъ голосъ Малчинскій и Розалія, но Корнилій якъ найскорше кинѹлъ ся въ мѣсто и загирилъ ся межи толпою швилаючогось мірѹ.

— А що то такъ напрасно хлопца попало? гѹмъ! гѹмъ! якось то не оу ладъ емѹ клалося, похитаючи головою бесѣдилъ Малчинскій.

— Онъ такъ чомѹсь помарнѣлъ напрасно, а такій якійсь якъ бы облѹкалъ ся обавляючись мовила Розалія.

— Ага! такой такъ! щось то не добре коло него: вчера повѣрилъ емь 500 золотыхъ ренскихъ, анѣжь прогѹлялъ и квѣта! оударивши долоневи по кишенѣ, страхаючись вже самой гадки отказалъ старый, а лице его набрало строгой поваги.

Тая обавна мысль, попавши разъ на оумъ Малчинского, стала непокоити его такъ, що и отойшла охота къ дальшомѹ проходѹ. Вертаючи домовъ не понехалъ онъ заедно по дорозѣ изъявляти дочцѣ свою обавѹ, примѣчаючи: якъ легко можь завестися на людяхъ, якъ легко обманѹти ся, довѣряючи честности, о которой человѣкъ довольно не прекѹдчилъ ся. Молода

паночка силиласѧ розвеселити отца, приго-ворȣючи, що онъ не допȣстилъ бы сѧ чогось подобно, но всȣе. Она полюбила Корнилього искренно, всею дȣшею, всемъ сердцемъ. И ею непокоило тое такъ дивоглядное располо-женїе молодца, и ей сердце заходило то-скою, но тоскою любовною, а зъ той то-ски произвелась солодкаѧ жȣрба. Часто по-зирала то въ задъ то въ передъ себе, чи не прибачилабы где помежи людьми сво-его любка. Была то дѣвчина городского образована, высшихъ понятей, но непо-рочной моралности, и хотѧй съ многими прибагами що до общества, то въ истиннѣ благородной, честной гадочнѣ. Она скоро лишь первый разъ збачила Корнилього, тожь и влюбиласѧ въ немъ. Много наго-ворилъ сѧ ей отецъ смотрѣючїй лишь на великїи богацтва, що таѧ любовь ей вѣтромъ подшита, и що такаѧ любовъ на зимȣ не оуходитъ; но Розалїѧ за кож-дый разъ пригадовала отцȣ, ꙗкъ то онъ зъ невеличкого, доробилъ сѧ такого имѣ-нѧ, и же каждомȣ, который лишь дбаетъ, не заперечено збогачати сѧ. И такъ не разъ приходило до невеличкой соперечки ме-жи ними: Малчинскїй почалъ глȣбше роз-гадовати надъ тимъ, радилъ сѧ где ко-трыхъ, но счастьемъ лишь такихъ кото-рыи зъ доброй стороны Корнилього знали. На конецъ погадалъ онъ собѣ, же прецѣ хорошобы то было, еслибы его дочка оу-чиниласѧ адвокатовою; понȣкалъ, понȣкалъ, а прїйшлось то и самъ заохочовалъ.

Таке то заходило межи Малчинскими, а Корнилїемъ. Возворотилисѧ домовъ. Пан-на Розалїѧ знявши капелюхъ и сальопкȣ, призираласѧ въ зеркалѣ, а панъ Малчин-скїй не постигъ еще розодежити сѧ, ꙗкъ и прибачилъ запечатаный листъ на столикȣ.

— Анȣсю! Анно! а зъ отколь то листъ сей? голосно попыталъ слȣжницȣ.

— То ꙗкїйсь панъ передалъ его, от-казала слȣжница зъ второй комнати.

— А не знаешь ли кто былъ тотъ панъ? съ тревогою запыталъ по вторый разъ.

— Нѣтъ! онъ небывалъ и ꙗ не бачила его никогда тȣтъ.

— Но — но — що бы то такого было? непокоенный чимсь, похопивши за листъ, промовлялъ подъ носъ, но ꙗкось не скоро отворилъ его, бо ꙗкъ бы чогось зловѣстного обавлялъ сѧ трѧслисѧ емȣ рȣки. Проломала сѧ печатка, письмо роз-ложилосѧ, а Малчинскїй сталъ въ голосъ читати:

Достопочтенный Господине!

Почитаю собѣ за должность освѣдомити вамъ одно очень не прїятне длѧ васъ, при-ключившоесѧ дѣло. Въ довѣренности сво-ей, ꙗко честный и почтивый человѣкъ, передалисте вчерашной днины 500 золо-тыхъ ренскихъ, на рȣки Корнилїѧ Терех-тарского, который ꙗкъ мнѣлисте неохибно дорȣчилъ бы помянȣтыи гроши адвокато-ви. Но гдѣ! ꙗкъ легко днесь на людѧхъ завестисѧ можь, дастъ вамъ Корнилїй до-стопамѧтнȣ наȣкȣ. Вѣрте менѣ господи-не! ꙗ самъ и не погадалъ бымъ былъ о томъ, що онъ допȣститсѧ такъ огидного безчестного дѣла. Въ правдѣ ꙗ вовелъ его въ домъ вашъ господине, но простѣтъ! ктожь зналъ бо, що онъ подъ ꙗгнѧчею кожею носитъ нечисте сердце, и лихȣ совѣсть? Отъ не грызѣтъ та не жȣрѣтсѧ дȣже го-сподине: вамъ ꙗкъ далъ Господь имѣнье такъ и бȣдетъ вамъ завсѣгда давати, но онъ, же безчестно перетратилъ повѣренныи вами 500 зол. ренски, онъ ꙗкъ былъ дра-бомъ — гȣлѧкою, пȣстакомъ, такъ и загинетъ такимъ. Вчерашного вечера про-

гралъ всѣ гроши въ каварнѣ, и зломаного шелюга при дѹши не маетъ. Господине! зарадьте собѣ, ꙗкъ дѹмаете; онъ обитаєтъ на Хорощизнѣ подъ цитаделею въ мѹрованомъ домкѹ о одномъ поверсѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ благожелающій вамъ пріятель

А Стулскій.

Перечитавши листъ тотъ, посоловѣлъ Малчинскій, а панна Розаліѧ станѹла дивна, ꙗкъ бы не довѣрѧла своимъ слѹхамъ.

— Отъ тожь такъ! а не казалъ ꙗ, га? що юриста, то юриста; маешь же юристѹ! и менѣ одѹрѣти, та дати, такомѹ хлистѹнови 500 золотыхъ ренскихъ! ай ꙗй ꙗй! зложивши на окрестъ рѹки озвалъ сѧ на конецъ ледви добѹвши бесѣды пораженный спекѹлантъ.

— И онъ — онъ воистинно допѹстилъ сѧ такого дѣла? скрикнѹла тоскнымъ голосомъ задѹмѣла Розаліѧ.

— Нѹ тожь чѹлась що написалъ Стѹлскій; такъ то намъ треба! видишь ꙗкъ честного обралась собѣ коханка?

— То не можетъ быти мой отче! нѣть! въ томъ есть ꙗкась интрыга: Стѹлскій подабаетъ лѹчше на безчестного ошѹста; если Корнилій програлъ тїи гроши, то онъ, онъ навелъ его до такого дѣла, съ заполонѣлымъ лицемъ и съ искрѧчими очима, озвалась на тое дочка.

— Тѹтъ не єсть мѣстце на извененїѧ; онъ єслибы былъ честный, не далъ бысь нѣѧкимъ свѣтомъ навести до такого; тожь ꙗвно зъ него пѹстакъ и годѣ! розпраклѧлъ гнѣвно отецъ потрѹтивши кресло. Вжежь то не потѣшаетъ мене, що ты такъ нимъ заналась. А знаешь ты що ꙗ теперь его за такъ поганый, нечестный чинъ оганьбити могѹ? Ахъ то красно въ любити сѧ въ шѹлерѣ, который що видитъ, поклалъ бы на картѹ!

— Мой отче! не знаю ꙗкъ можь такъ лихо о кимсь сѹдити не пресвѣдчившисѧ.

— Тихо! скрикнѹлъ старый; ось є листъ, Стѹлскій неробилъ бы дѹрака изъ мене. Подай но менѣ чверткѹ паперѹ, каламарь и перо, а Корнилього выбій собѣ изъ головы за скора, то ти кажѹ.

Съ великимъ неѹдовольствомъ совершила паночка повелѣніе отца, оусѣвши въ кѹтикѹ, сѹмно оперла головѹ о бѣлѹю долоню, и лишь тѧжкїи востхненїѧ свѣдчили, що тамъ дѣѧлось въ ей внѹтрїю. Малчинскій засѣлъ, или лѹчше повалилъ сѧ на кресло, ꙗлъ за перо и намастивши недохопною рѹкою нѣсколько словъ, закликалъ слѹжницѹ, и велѣлъ щобы Їоанъ сей часъ отнесъ тѹю карточкѹ на Хорощизнѹ, допыталъ сѧ где обитаетъ Корнилій Терехтарскій, и врѹчилъ емѹ.

— Пойдѹ до адвоката, съ захмареннымъ лицемъ озвалъ сѧ онъ обернѹвши сѧ къ дочцѣ, и накинѹвшись зеленымъ своимъ бѹрнѹсомъ вышолъ, лѹснѹвши запераючи за собою двери. (П. с.)

ГОСПОДАРСТВО.

Лѣкъ на отпаринье карку у воловъ.

Шія товарины отпарина ярмомъ въ слотный день, вымывается сирваткою такъ теплою, якъ изъ мѣшочка стекаетъ, потомъ мастится бѣлою глиною, розпущеною въ острагоновомъ оцтѣ. Дабы имѣти достаточне количество такой глины, вливается два гарнцы оцту, по достаточной замѣшцѣ, зливается глина, щобы каменцы поостававалися на днѣ судника. За кождомъ изсушенію глины, зновъ мастится тою самою мастею, но должно умивати на ночь сирваткою отпарине мѣстце. По трохъ дняхъ товарина совершено улѣчена. Если бы въ слотный день робитися нею мало, должно прикривати улѣчену шію.

На червы у товарины найлучшій есть слѣдующій способъ: бирется столова ложка плавного ви-

тріолю, мѣшается съ полъквартою воды, и заливается тою мѣшаниною нараженне червами мѣстце. Скоро лишь червъ закушаетъ того квасу, выпадетъ сей часъ: при томъ имѣетъ тотъ квасъ тое свойство, що прошибательностею своею доходитъ и въ найглубшіи мѣстца каждой раны; для всѣхъ звѣрятъ безопасно можь его употребляти. Тоюжь самою мѣшаниною мастячи коньскіи ноги опухлы отъ груды и собачого волосу, въ каждой порѣ року якъ найпомыслнѣйше можь улѣчити, що и скорше слѣдуетъ, если конь бываетъ напаваный въ стайнѣ. Должно затямити, дабы не больше витріолю дано, надъ изречену мѣру.

Найкорыстнѣйшій способъ сѣянья гороху.

Не будетъ то дѣломъ злишнымъ, якъ горохъ найпрактичнѣйшимъ способомъ сѣятись долженъ; въ теченію 6 годовъ пресвѣдчилъ емь ся, та и мои сосѣды послѣдовавшіи моему примѣру не пожаловали того. По глубокой упратвѣ нивы подъ горохъ, сѣю якъ обыкновенно 16 гарнцевъ на орну межу, и плаcко преорываю. По семъ на той же самой пространи розсѣваю 8 гарнцы ярого жита, и ажь тогда разомъ поволочую! Тое засѣянное ярое житце стаесь подпорою для гороха, никогда не устелится онъ такъ, щобы малъ вылегати, якъ обыкновенно съ горохомь дѣется; кромъ того производится цвѣтъ и на низшой частинѣ былины, а съ тѣмъ и помнажается количество стручковъ совершенно достигаючихъ, понеже солнечны лучи ажь до земли доходятъ; дощь такимъ свѣтомъ не гноитъ ростѣніе, тожь явно поростъ обильнѣйшій. При молотьбѣ не вадитъ въ ничемъ ярое жито, которое будучи совершенно пристиглымъ, вымолочуется вразъ съ горохомъ а послѣ того при млынкованю ситкомъ отдѣленне быти можетъ. Требовалъ емь мѣсто ярого жита употребити овесъ, но тотъ способъ для низшого возросту и слабшой соломы овса не поладилъ ся. Протое попередный, яко досвѣдченный, предаю господинамъ господарямъ. Ст. I.

О салатѣ.

Засѣваются два роды салаты: берлинска цукрова, и инспектова цукрова. Зерна засѣваются подъ инспектовы окна въ мѣсяцѣ марта и по достаточномъ взростѣ, пересажаются подъ ины окна инспектовы. Засѣваютъ ею такъ що два тыждни, ажь до часу, когда засажена на грунтѣ, употреблена быти можетъ. Для сбору насѣня до слѣдующой сѣвбы, пересажаютъ ся на грунтъ, а по отцвитѣ, когда пыломъ покрыютъ ся насѣнны головки, сбираются они окремѣшно, понеже насѣнье ростѣнія того скоро высыпается. По выопаланю зернъ, зъсыпуются до паперовыхъ мѣшковъ, и покладаются на сухомъ мѣстци.

При пересажаню розсады должно зважати, щобы землю не стискати надъ коренями для того, понеже коренье ей свободно розрастатися требуетъ.

Бураки.

Засѣваютсь два роды бураковъ: цвѣкловыи, круглыи и вздолжковаты червоны. Сѣвба ихъ совершается за скоро на веснѣ. Земля приспособляется въ осени. На веснѣ глубоко перекопуется рыскалемъ. Послѣ того, по достаточномъ урobленію земли и загоновъ, въ простой черзѣ за помочію посторонка, дѣлятся на три ряды, а здѣлавши ямочки, сажается, въ нихъ зерна, лишь не дуже глубоко. Пресвѣдчено ся, що сажены далеко суть большіи и маютъ лучшій вкусъ нежь сѣяны. Кромъ того, при дальшомъ взростѣ, для побольшенія кореня, обломывается листье, употребляеме на годовлю для коровъ, или придавши нѣсколько кореней, на страву для челяди Въ мѣсяци октобрѣ выкопываются за помочію трозубныхъ вилъ, обломывается листье а бураки оставаются на свободномъ воздусѣ, дабы пообсыхали, а послѣ очистивши изъ земли, складаются въ пивницѣ, въ сухій пѣсокъ, не присыпуючи зъ верха, но подъ самъ же сподъ насыпуючи столько пѣску, щобы волгкость не добралася.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первое четвертьрочїе окончаетсѧ. Упрашаемъ про тое всѣхъ всеч. господиновъ читателей о ласкавое надосланїе предплаты. Далеко большаѧ часть нашихъ читателей, не предплатила ничь доселѣ; тожь не знаемъ якъ засохтокати сѧ на дальше.

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.